

ВСЛЕД
ЗА МЕЧТОЙ

| Романы

| А. Мироновой

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

РАЗРУБИТЬ
ГОРДИЕВ
УЗЕЛ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Разработка серии *Г. Ганжи*

Дизайн обложки *А. Андреева*

Миронова, Александра Васильевна.
М64 Разрубить гордиев узел : [роман] / Александра
Миронова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-197203-5

Ольга потеряла жениха и ребёнка, она живёт прошлым и уверена: в тридцать лет жизнь закончена. Юлия ведёт двойную игру и не сомневается: правда всех убьёт. Эжени разрушает чужие судьбы в угоду собственному эгоизму. Они — родные сёстры, и каждой из них придётся разрубить собственный гордиев узел, чтобы стать по-настоящему счастливой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197203-5

© Миронова А., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Насильно мил не будешь.

Народная пословица

Гордиев узел — чрезвычайно сложный узел, завязанный, согласно древнегреческой мифологии, фригийским царем Гордием, а впоследствии рассеченный мечом Александра Македонского.

В переносном смысле выражение «гордиев узел» означает всякое запутанное сплетение обстоятельств, а выражение «разрубить гордиев узел» — разрешить какое-либо сложное, запутанное дело, какие-либо затруднения прямолинейным способом.

Все события вымышлены, любые совпадения случайны.

Ольга

Раз, два, три — вдох.

Раз, два, три — выдох.

Раз, два, три... Все упиралось в Славика. Чертов Славик, который словно растворился в воздухе. Его не было ни среди живых, ни среди мертвых. Ольга объездила половину мира, но его не нашла. Следы вели в его родной город, но и там Славика не обнаружилось. Мать не видела сына с момента, как тот в шестнадцать лет сбежал из дома, она вообще не была уверена, что ее сына зовут Славик. У нее было слишком много детей.

Раз, два, три — первый солнечный луч мягкой лапкой коснулся носа и глаз, заставив зажмуриться и чихнуть. Ольга остановилась, уперлась руками в колени, пытаясь отдышаться и взять под контроль собственные мысли и гнев, который уже поднимался мощной волной. Она не терпела самообмана, так почему же она продолжает им заниматься? Конечно же, дело не в Славике. Дело в ней самой. В ее безумном, бессильном и бесполезном желании узнать, о чем *он* думал и говорил перед тем, как... И действительно ли *он*... (Это слово Ольга не была готова произнести даже мысленно.) И, что самое важное, простил ли *он* ее. К сожалению, единственный, кто мог ответить на ее мучительные вопросы, был Славик, который растворился в воздухе.

Ольга бросила взгляд на часы: она выбилась из графика.

Уже с утра четкий распорядок дня нарушился: она начала пробежку на пять минут позже обычного и вот теперь остановилась, чтобы сделать ненужную паузу, теряя драгоценные минуты. Пробежка — каждый день, утром и вечером. Военная дисциплина. Как и у того, кто уже проснулся, почистил зубы и принимал душ. Ее душ.

Ольга сорвалась с места, словно собралась бежать спринтерскую дистанцию.

Раз, два, три — вдох.

Раз, два, три — выдох.

Солнце удивленно взирало вслед сумасшедшей девушке, не желающей просто насладиться долгожданным летним теплом.

* * *

Краем сознания Ольга отметила, что утро было солнечным, и, пожалуй, на этом все хорошие новости этого отвратительного утра заканчивались. Она бегом поднялась на четвертый этаж, открыла дверь квартиры и прислушалась: в душе все еще льется вода, но через пару минут поток иссякнет. Ее любовник Валера всегда принимал душ ровно пятнадцать минут — старая армейская привычка. Он все свои действия измерял минутами. Как и она. Обычно в это время она уже наносила макияж и сушила волосы.

Сняв кроссовки и аккуратно поставив их на специальную подставку, Ольга прошла в комнату, по ходу дела мельком покосившись на свое отражение в большом зеркале.

Ольга была стройная, и эта стройность не от диет, а от регулярного спорта. И если Валера сохранил со

времени работы в Кот д'Ивуаре привычку измерять действия минутами, то Ольга с того времени каждый день занималась спортом. Это был единственный источник эндорфинов в ее жизни.

Светлые волосы забраны в высокий хвост, кожа в прекрасном состоянии. Ясные глаза так похожи на весенний лед, который и рад бы растаять — вот только внутренняя мерзлая пустота не дает. Бесцветность взгляда Ольга компенсировала губами, всегда покрашенными яркой помадой. Большинство людей принимали ее за юную девушку. До тех пор, пока не встречались с ней взглядом.

Звук воды в душе смолк.

Есть еще минута, пока Валера разотрется докрасна полотенцем и выйдет в спальню, чтобы одеться.

Ольга направилась к старому шкафу, выполнявшему роль гардероба. Шкаф был любовно отреставрирован, но все равно хранил черты той эпохи, которая подарила миру самую уродливую мебель. Он был огромный, с рублеными углами и лаковыми дверями, закрывавшимися по старинке на ключ. Когда-то Ольга пыталась отыскать в нем хотя бы один красивый элемент, но затем решила, что шкаф прекрасен в своем уродстве.

Ольге хватало его половины: она уделяла не слишком много внимания гардеробу. Остальное место занимали вещи Валеры. Периодически он оставался у нее ночевать, и ему требовались свежие рубашки. Разумеется, о них заботилась прачечная, но Ольга одно время даже находила некую прелесть в том, чтобы по утрам подавать ему свежую рубашку. Вот и сегодня, несмотря на необычность дня, она не стала изменять традициям. Стоило Валере с обернутым во-

круг бедер полотенцем появиться в спальне, как Ольга шагнула ему навстречу, держа рубашку в руках. На секунду залюбовалась.

Валера был старше ее — недавно отпраздновал сорокалетие, — но мог дать фору большинству мужчин на десять лет моложе. Высокий, стройный, сплошные мускулы — ни грамма жира. Обветренное африканскими ветрами лицо было словно вырублено из камня талантливым творцом, тщательно продумавшим каждую складку и морщину. На волевом подбородке виднелась небольшая ямочка, в минуты слабости делавшая его похожим на мальчишку. Густые темные волосы и черные глаза, способные прожечь дыру в трепетном девичьем сердце. Валерий, безусловно, был хорош собой, а еще он был умен. Ум в Валере Ольга ценила больше всего.

Валерий был настоящим мужчиной. Если бы Ольга позволила, он бы спрятал ее за широкой спиной, укрыл бы от ненастий, принес бы в дом тушу мамонта. Укротил, обольстил, вознес на пьедестал и, возможно, когда-нибудь низвергнул бы ее с него. С Валерой ей было спокойно и безопасно. По крайней мере, так она считала до вчерашнего вечера.

— Твоя рубашка, — Ольга широко улыбнулась.

— Спасибо, милая. — Беря рубашку, Валерий не удержался и поцеловал Ольгу. Прижал к себе, но Ольга отстранилась.

— Рубашку помнешь.

— Плевать. Ты лучшая, я уже говорил?

— Много раз, — снова очаровательно улыбнулась Ольга, после чего развернулась и направилась к шкафу, из которого достала небольшой чемодан. Развернувшись, поставила его перед Валерой. — Твои вещи.

— Мои вещи? — непонимающе переспросил тот.

— Вчера вечером мне позвонила Светочка.

— Какая Светочка? — нахмурился Валера.

— Вообще-то это должна была быть моя реплика, — поморщила нос Ольга, — но на случай, если у тебя много Светочек, то та, что мне звонила, — это наша лаборантка. И по совместительству мать твоего будущего ребенка.

— Что? — Валерий опешил, а Ольга вздохнула.

— Валер, ну надень хотя бы штаны, мне как-то неловко расставаться с голым мужиком.

— Если я буду одет, это изменит ситуацию? — растерянно поинтересовался он.

— Нет, — покачала головой Ольга, — но поможет тебе сохранить остатки самоуважения. Одевайся, милый. Бери свои вещи и забудь дорогу в этот дом.

Эжени

Она окинула себя взглядом в большом зеркале и осталась довольна. Кокетливые кудряшки, придававшие ей сходство с покойной матерью Альберта, розовый халат, украшенный перьями неведомой птицы, макияж, аккуратно подколотое лицо и пухлые — даже слишком — губы. Они, а также смуглая кожа, угольные глаза и непослушные волосы, всю жизнь служившие ей источником огорчения, достались ей в наследство от неведомого отца, которой был очередной «любовью всей жизни» маменьки.

Эжени кокетливо подмигнула себе в зеркале, чтобы немного приободриться. Внутреннее чувство подсказывало, что она совершила очередную глупость, но врожденное упрямство не позволяло это признать. Она задрала голову повыше (шея так выглядит длиннее) и, держа в руках разноцветный поднос, на котором стояла чашка с кофе, направилась в комнату, где почивал Альберт Ильич.

— Милый, просыпайся, — поставив поднос на столик ар-деко, Эжени наклонилась к Альберту Ильичу и, обдавая его ароматом тяжелых маслянистых духов, прошептала: — Тебе в *присутствие*.

Почему-то слово «присутствие» ей особенно нравилось в последнее время, оно позволяло чувствовать себя этакой помещицей, генеральшей, женой значительного лица. Эх, почему она родилась в этом

дурацком двадцать первом веке? Ее эпоха — это пятидесятые годы прошлого столетия. Времена бравых генералов и их величественных жен, способных карать и миловать легким движением руки.

Не будучи в курсе душевных терзаний Эжени, бравый генерал мужественно всхрапнул и перевернулся на другой бок. Эжени наморщила носик. В юности она не понимала прелести молодых красивых мужчин: ну что они могут дать, кроме нескольких минут радости? Но с недавнего времени ее начали посещать страшные мысли. Возможно, было в юных Аполлонах и нечто такое, что недоступно старикам.

Эжени снова наклонилась к генералу и гаркнула ему прямо в ухо:

— Просыпайся! — Затем, немного подумав, добавила: — Милый.

— Что? Что случилось? — Альберт Ильич подскокил в панике, оглядываясь по сторонам. После ночи с молодой любовницей ему требовался отдых, который день ото дня становился все более продолжительным. И не было более верного способа испортить ему настроение, кроме как разбудить раньше времени.

— Ничего не случилось, кот. Просто меня с утра посетило вдохновение, и я написала письмо...

— Письмо? — Альберт Ильич сел на диване. Высокий, крепкий, с выразительным лицом деревянной скульптуры.

Такого хорошо представлять в капитанской рубке военного корабля или, чем черт не шутит, атомной подлодки. Одним взглядом Альберт мог остановить попытку мятежа и жестоко наказать за непослушание. Но в последнее время в этом людоедском взгляде все чаще Эжени ловила отчаяние. Словно ее генералу

и правда хотелось оказаться на атомной лодке подальше от всего того безобразия и хаоса, в который превратилась его жизнь с момента, когда в нее ворвалась Эжени. С ее кудряшками, волнующей грудью и активной жизненной позицией. Он оказался слаб, поддался соблазну, его закрутило, завертело, но чем дальше, тем больше хотелось ему домой, под бок к верной Авдотье, которая никогда формами не блистала, зато отличалась редкостным благоразумием, хладнокровием и умением вовремя промолчать.

— Вот, милый, все как ты любишь, черный без сахара. — Эжени сунула генералу в руку чашку, которую почему-то считала антиквариатом (негоже генералу пить кофе из простых чашек!).

— Ты про письмо говорила, — сухо напомнил Альберт Ильич, окончательно просыпаясь и беря кофе из рук любовницы.

Что он хорошо уяснил за столько времени рядом с Эжени, так это то, что все ее действия нужно тщательно контролировать. Потому что Эжени — натура импульсивная и, оставленная без присмотра, была готова наломать дров. Ему уже приходилось вытаскивать ее из участка за драку с соседом, а также хлопотать по поводу закрытия уголовного дела после конфликта с журналистами.

— Ах, это мелочи, милый. Просто я написала письмо, — продолжала заливаться соловьем Эжени, тщательно маскируя легкую тревогу.

— Кому? — нахмурился Альберт Ильич, делая глоток кофе.

— Твоей жене. Я рассказала ей о нас, — с деланным весельем и беспечностью в голосе сообщила Эжени, а у Альберта Ильича кофе пошел носом.

Ольга

Удачно миновав все пробки, Ольга припарковалась на своем месте возле клиники, расположенной в промышленном центре города.

Изначально Ольгу удивил выбор Валерием места для клиники репродуктивных технологий (этой идеей он жил те несколько лет, что они вместе провели в Африке в качестве военных медиков). Каждый раз, когда у него на руках умирал безнадежный больной, он твердил, что будет дарить людям жизнь. Словно чувствовал вину, что не сумел, не спас. Ольгу тогда это подкупило и помогло выжить. В ночь, когда она в порыве отчаяния все ему рассказала, Валерий взял с нее обещание, что вместе они дадут жизнь множеству новых людей. Обещание оба сдержали: Валера занялся оформлением лицензий и поиском места для клиники репродуктивной медицины, а Ольга взяла на себя подбор персонала и дизайн.

Ей всегда казалось, что Валерий, вхожий в высокие кабинеты и здоровающийся за руку с министрами, предпочтет для своего детища умеренно роскошное место — не кричащее, но с достоинством, вроде старого тихого центра. Когда же Валера объявил ей, что нашел подходящее помещение в Октябрьском районе, Ольга сильно удивилась.

Серый, почти лишенный зелени индустриальный район долгое время служил пристанищем для депрес-